

ВЛАДИМИР

КОЛЫЧЕВ

ЛУЧШАЯ КРИМИНАЛЬНАЯ ДРАМА

МЕЖДУ ЧЕРНЫМ И БЕЛЫМ

Колычев. Лучшая криминальная драма

Владимир Колычев

Между черным и белым

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Колычев В. Г.

Между черным и белым / В. Г. Колычев — «Эксмо»,
2021 — (Колычев. Лучшая криминальная драма)

ISBN 978-5-04-157747-6

Получив солидное наследство, Василиса стала владелицей металлургического комбината. Тяжело работать в условиях жесткой конкуренции на производстве, бесконечных бандитских разборок и безжалостной инфляции. Но это еще полбеды. Муж Матвей незаслуженно обвинил Василису в измене и ушел к другой. В довершении всех бед – как гром среди ясного неба – звонок о похищении ребенка... Выбор у отчаявшейся женщины невелик: опустить руки и довериться судьбе или начать жестко и решительно действовать...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-157747-6

© Колычев В. Г., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	24
Глава 4	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Владимир Колычев

Между черным и белым

© Колычев В.Г., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Часть первая

Глава 1

Квартира маленькая, однокомнатная, кухонька крохотная, санузел совмещенный, балкона нет и не было. Это минус. Новый дом, евроремонт, роскошная обстановка. Это плюс.

Матвей утверждал, что плюс на минус дает минус. Осматривая квартиру, Лилия готова была с ним согласиться, а еще лучше – отдаться ему. Именно страсть к этому парню привела к тому, что вся ее жизнь пошла под откос.

Из-за Матвея Лилия пошатнулась, а Глеб столкнул ее с лестницы, по которой она поднималась к светлomu, самому красивому будущему. Но если Матвей отошел в сторону, то Глеб подставил ей руку, не позволил скатиться на самое дно. Он выселил ее из своей квартиры, лишил надежды на обручальное кольцо, но купил эту клетушку. На свое, разумеется, имя. Четырнадцатый этаж, вид на Москву с высоты птичьего полета. На птичьих правах. А может, и сам полет будет происходить вниз головой.

– Ну и как? – окинув рукой комнату, спросил Глеб.

Лилия уныло глянула на него. Всерьез он, интересно, спрашивает или тупо издевается?

Она медленно провела рукой по мягкой спинке кожаного дивана и ответила:

– Мне нравится.

Лилия могла бы прямо сейчас сказать все, что думала о нем, но зачем? Он ведь мог совсем отказаться от нее, завести себе новую любовницу или даже жениться на девушке из своего круга. На Василисе, например.

Василиса... Это ведь из-за нее все.

Она воспитывалась в богатой семье, встречалась с Глебом. Все было хорошо, пока не ушли из жизни ее родители. Их заказал отец Глеба, он же приговорил и саму Василису.

Лилия жила с Матвеем, когда все это началось. Крутая каша тогда заварилась. Не смогла она удержать Матвея. Он увел Василису, а Лилия, пользуясь случаем, отбила у судьбы Глеба.

Лилия пыталась вернуть Матвея, но тот все больше влюблялся в свою Василису. Отец Глеба нанес очередной удар, а Матвей придал ему эффект бумеранга. Только он мог сказать, где закопан Рубахов, но молчал. Лилия пыталась вызнать тайну, несколько заходов сделала и не получила ничего, ни информации, ни самого Матвея. А ведь она так его хотела.

Это желание и попутало ее. Появилась возможность решить проблему одним махом, и Лилия взялась за оружие. Но, увы, Василиса не далась ей в руки, сама чуть не застрелила ее.

Лилия уцелела, но Глеба возмутило само ее поведение. Ведь весь этот сыр-бор разгорелся из-за Матвея, из-за чувства к нему. Лилия желала быть с ним, Глеб не хотел ее за это прощать, поэтому и выселил на обочину жизни.

К тому же Глеб не простил ей упущенной возможности. Он любил Василису, но при этом не прочь был отправить ее на тот свет. Прежде всего потому, что Василиса претендовала на металлургический комбинат, которым владел ее отец в доле с Рубаховым. Она его получила, лишила Глеба солидной части наследства.

– А мне нравишься ты, – сказал он.

– Я знаю, – со вздохом проговорила Лилия.

Они уже полгода были вместе, и Глеб все не мог ею насытиться. Ей не требовалось даже шелкать зажигалкой. Он воспламенялся сам по себе. Так произошло и сейчас.

Сначала он просто обнял ее сзади, а затем толкнул на диван, принуждая лечь животом на широкий подлокотник.

– Никого так не хочу, как тебя, – проговорил Глеб, с силой прижимаясь к ней.

Похоже, от похоти у него уже свело зубы, но Лилия ему не доктор.

– Давай не сейчас! – заявила она, оттолкнула его, вырвалась, отряхнулась.

Мол, я же не коврик, чтобы ложиться тебе под ноги по первому требованию. Ты должен добиваться желаемого, страдать. Тогда и ценить меня будешь больше, к себе обратно возьмешь, а то и женишься.

– Хорошо, вечером заеду, – сказал Глеб.

– Вечером, это когда?

– Возможно, сегодня.

– Возможно? – Лилия внимательно смотрела на него, и в душе ее возникла тревожная вибрация.

Если Глеб не добивался ее, значит, она больше не была ему интересна. У нее не имелось никаких шансов.

– Ты же потерпишь немного? – спросил Глеб, мило улыбнулся и нежно потрепал ее за щеку.

Прямо как комнатную собачонку, с которой можно делать все, что тебе угодно.

– Ну, не знаю. Может, Виктор на огонек заглянет, а на мне только халат на голое тело.

Ей так захотелось вдруг позлить Глеба, а ему хоть бы хны.

– Вредничаешь? – безмятежно спросил он, а ведь еще совсем недавно боялся Виктора до нервных колик.

Этот фрукт заявился к ним, когда Глеба не было дома. Его приняла Лилия.

Глеб возвратился. Она вышла к нему в халате на голое тело. В гостиной сидел гость мужского калибра. Еще та ситуация, в общем.

Виктор сказал тогда Глебу, что работал на его отца, решал нестандартные вопросы с необратимыми последствиями. Виктор сам предложил убить Василису и Матвея. Глеб и слова не успел сказать, а самозванный киллер уже принял заказ.

Еще Виктор должен был найти его пропавшего отца, живого или мертвого. С этим он подъехал к Василисе, схватил ее, приставил нож к горлу. Но тут, на его беду, появилась Лилия и очень основательно вломила ему бейсбольной битой.

Виктор тогда выжил, но поставил условие. Лилия и Василиса немедленно убивают его, либо он решает потом с ними обеими. Прикончить киллера они не смогли, отпустили на свою голову.

Через какое-то время Виктор явился к Глебу, но тот, надо отдать ему должное, поднял этого неудачливого типа на смех. Ни отца не смог найти, ни с Василисой разобраться, к Матвею даже приблизиться побоялся. Кому такой недотепа нужен? В общем, послал он Виктора к черту и совершенно правильно сделал.

– Нельзя оставлять красивую женщину без присмотра, – сказала она, из прошлого возвращаясь в настоящее.

Женщину нужно любить, холить и лелеять. Именно этим Глеб и должен был сейчас заняться.

– Ну, хорошо, я загляну сегодня вечером, – сказал Глеб и ушел.

Лилия не могла в это поверить. Он должен был всеми силами добиваться ее, но его унесло ветром. Что ей делать, если это ветер перемен?

Но не прошло и двух минут, как в дверь кто-то позвонил.

Лилия тут же выдохнула с чувством облегчения. Конечно, Глеб всего лишь игрался с ней, дразнил. Что ж, он смог набить себе цену! Пожалуй, она отдастся ему прямо в прихожей.

Но за дверью стоял Виктор. Хищная усмешка на губах, взгляд ледяной.

Лилия шлепнула себя ладонью по лбу. Надо же, накликала черта!

Она опомнилась, стала закрывать дверь, но Виктор толкнул ее в грудь и зашел в дом.

После этого он обнял Лилию сзади, за шею, одной рукой и сказал:

– Зря вы меня тогда отпустили.

– Не надо! – в ужасе прохрипела Лилия.

Но в ответ Виктор еще сильнее сжал ее горло, напрочь перекрыл дыхание.

– Ты, наверное, думала, что я шутил? – спросил он.

Лилия мотнула головой.

– Правильно, не шутил. Я вернулся, девочка моя.

Лилия не могла дышать. Ее голова чуть не лопалась от напряжения. Еще немного, и все. Сначала она, потом Василиса.

Василиса тоже умрет, но Лилии от этого было совсем не легче. Она очень хотела жить.

В глазах у нее уже потемнело, сознание почти отключилось, когда Виктор с силой оттолкнул ее от себя. Падая, Лилия испытала восторг полета над облаками, где много свежего воздуха, такого же пьянящего, как испарение над маковым полем.

Чувство эйфории разбилось от сильного удара о дверной косяк. От боли в голове у нее мельтешило перед глазами, но Лилия видела, как Виктор подошел к ней.

Она попыталась подняться, но он покачал головой, глядя на нее с высоты своего положения. Потом этот мерзавец даже слегка приподнял ногу, собираясь наступить ей на грудь.

– А чего ты испугалась? – с едкой, надменной насмешкой спросил он.

– Нет, не испугалась, – прошипела Лилия и пожала плечами.

Действительно, а чего это она? Виктор – тепло и неудачник. Такой тип не сможет убить ее.

Он этого не сделал.

– Вы же меня тогда отпустили, – сказал Виктор.

– Ну да, – буркнула Лилия, осмелела, стала подниматься.

Однако Виктор исполнил свою угрозу, толкнул ее ногой, заставил лечь. Кофточка на ней была чистая, светлая, а туфля у него мокрая, грязная.

– Ну, ты!.. – Лилия очень хотела назвать его козлом, но не решилась на такую грубость.

Он ведь и на горло ей мог наступить. Нога у него сильная, а подошва твердая как камень.

– Ты меня тогда не убила, – в каверзном раздумье проговорил Виктор. – Но ударила больно. Даже не могу сказать, чем ты можешь искупить свою вину. Ты знаешь?

Лилия цокнула языком, глядя на Виктора. Мужчина он, в общем-то, интересный, можно даже сказать, обладающий гипнотическим обаянием. Помнится, при первой встрече она почувствовала себя жужжащим ульем. И мед внутри был, и пчелы. Ей вдруг жутко захотелось полного опустошения. Виктор совсем не прочь был стать пасечником и запустить руку в ее улей, но тогда появился Глеб.

– Тебе и самому известен адрес, по которому ты пойдешь, – заявила она.

Лилия с пятнадцати лет пребывала в поисках красивой жизни, развлекалась то с одним, то с другим кавалером, но принц долго не появлялся. Зато приключений на свою задницу она хватала с избытком. Случалось и такое, что ее брали силой. Этот момент Лилия тоже переживет, отряхнется и пойдет дальше. Но все же лучше обойтись без экстрима.

– Дорогу покажешь? – спросил Виктор, едко усмехнулся, отвел в сторону полу кожаного пиджака, засветил пистолет в кобуре, висевшей под мышкой, и постучал пальцами по пряжке ремня.

– Матвей покажет.

– Опять угрожаешь?

– А это без разницы. Он все равно тебя ищет.

– Позвони ему, пусть найдет. – Виктор в раздумье обжал пальцами подбородок, какое-то время всматривался в нее, затем спросил: – Скажи, а нам обязательно нужно быть врагами?

– Так это я тебя душила?

– Я должен был спросить с тебя.

– Ну да, – осторожно проговорила Лилия.

Не смог он с нее спросить. Да и с Василисой ничего не сделал, потому как неудачник. Но вслух об этом лучше не говорить, а то еще взбесится.

– Но ты такая хорошенькая. – Виктор подал ей руку, помог подняться с пола.

При этом он даже не попытался расстегнуть ее кофточку, хотя не сводил глаз с декольте.

– Чего тебе нужно? – спросила она.

– Чаю.

– Да? Больше тебе совсем ничего не надо? – с усмешкой осведомилась Лилия.

Свою мысль она не озвучила, но Виктор понял ее.

– И это тоже, – заявил он и иронично сощурился. – Но потом.

– Никогда! – Лилия качнула головой, но на дверь гостю не показала, провела на кухню, поставила чайник и скрылась в единственной комнате.

Ей нужно было снять грязную кофточку и переодеться. Только вот халат на голое тело надевать она не стала.

Если ад существует, то доменный цех – его филиал. Все вокруг стучит, грохочет так, как будто кто-то пляшет вокруг жарких печей. Черти варят в этих котлах не смолу, а жидкий огонь, который затем разливают в ковши.

Огонь этот перекинулся на Матвея, загорелся в этом цеху. Ему самому вдруг захотелось встать к печи, почувствовать себя по-настоящему крутым мужиком.

Из горячего цеха они с Василисой переместились в кабинет директора. После грохочущих цехов тишина, царившая здесь, выглядела неестественной, искусственно созданной. Улыбка Шумакова была фальшивой насквозь.

– Чай? Кофе? – спросил он, глянув на Матвея как добрый профессионал на злого дилетанта. – Или воды? Обычно после горячего цеха люди просят холодной минералки.

– А вы чего просите? – осведомился Матвей, тяжело глянув на него.

Генеральному директору было слегка за сорок, лицо суровое, кожа сухая, такая же шершавая, как слой окалины на прокатном металле. Взгляд черствый, но не холодный, внешность располагающая, внутри металлический стержень. Мужик рослый, крупный как сталевар с агитплаката «Пятилетку в четыре года». Только не брезентовка на нем, а добротный костюм из первосортного сукна. Воротник сорочки идеально чистый, галстук безупречный.

– Здесь я не прошу, а беру, – сказал Шумаков не зло, но без улыбки.

Он открыл дверцу шкафа, за которой скрывался холодильник. Достал оттуда бутылку минеральной воды и без особого усилия откупорил ее сильным намозоленным пальцем.

– Беру, открываю, наливаю. – На губах у генерального директора появилась благодущная улыбка, а в руке – стакан.

– Минералку можно, – в неторопливом раздумье проговорила Василиса.

Она старалась выглядеть сурово, и это у нее вполне получалось. Матвей давно заметил, что внешняя холодность усиливала то внутреннее сияние, без которого даже самая красивая женщина будет казаться всего лишь ограненной стекляшкой. Красивая она, глубокая, нежная. Иногда Матвей ловил себя на мысли о том, что Василиса появилась на свет совершенно без участия мужчины. Настолько много женственности было в ней.

– А не минералку? – спросил Шумаков и цепко глянул на нее.

Об этом товарище Матвей услышал еще до того, как узнал о существовании Новокурского металлургического комбината. Когда Рубахов исчез, многие грешили на Шумакова, у которого был повод избавиться от основного акционера своего предприятия.

Шумаков, плоть от плоти порождение этого завода, начинал смолоду, с низшей ступени поднялся до самой верхней. Он сделал все, чтобы приватизировать комбинат, скупил все воз-

можные акции, затем замахнулся на контрольный пакет, который принадлежал государству. Но денег ему не хватило, и государственные активы перешли в собственность «Ру-банка». Знающие люди говорили, что Шумаков рвал и метал.

Он и сейчас считал себя главным собственником предприятия, на Василису и Матвея смотрел как на чужаков и камень за пазухой прятал не очень тщательно. Этот человек обладал внутренней мощью, крутым норовом и немалыми возможностями. Не зря Новокурский металлургический комбинат считался самым проблемным активом «Ру-банка».

– На рабочем месте? – спросила Василиса.

– На рабочем, – ответил Шумаков и глянул на нее с какой-то тяжелой улыбкой.

Он считал себя здесь полным хозяином, сам решал, кому можно выпивать «не минералку» на рабочем месте, а кому нельзя. Захочет – в хлам сейчас напьется, и никто ему не указ. Именно эту мысль генеральный директор и пытался донести до Василисы.

– Я предлагаю обсудить этот вопрос, – взяв себя в руки, сказала она.

Ей пришлось нелегко, но взгляд Шумакова Василиса в общем-то выдержала, дрогнула немного, но не просела, голову в плечи не вжала.

– На совете директоров, – добавила она.

– А кто у нас в этом совете? Вы, я да пара инвалидов, – сказал Шумаков, с иронией глянув на Матвея.

Увы, но тот не мог быть причислен даже к тем персонажам, о которых говорил Шумаков. Василиса представила его как начальника своей службы безопасности, но, разумеется, на Шумакова его статус не произвел никакого впечатления.

– Что ж, будем считать собрание основных акционеров открытым, – с намеком на шуточный тон сказала Василиса.

– Собрание основных акционеров? – Шумаков оценил ее иронию и улыбнулся.

– Вы согласны, что выпивать на рабочем месте нельзя? – спросила Василиса.

– Нет, – с милой улыбкой ответил Шумаков.

Но Василиса не дрогнула и даже нашла достойный ответ:

– Тогда голосуем акциями. – Она посмотрела ему прямо в глаза. – Пятьдесят моих процентов против ваших сорока двух.

– Да, пятьдесят процентов плюс одна акция, – сказал Шумаков, признавая неотвратимость этого факта и его несправедливость одновременно.

– Данное обстоятельство говорит о том, что пить на рабочем месте запрещено. Я полностью с этим согласна.

– Что ж, тогда я утверждаю данное решение, – с улыбкой проговорил Шумаков.

Василиса нахмурилась и заявила:

– Вы утверждаете? Но акции-то мои.

– А завод мой.

– Не только ваш.

– Есть варианты, – сказал Шумаков и неприязненно глянул на Матвея, давая понять, что ему здесь не место.

Но тот не собирался общаться с ним на языке намеков. Пусть скажет прямо. Матвей не собирался оставить Василису без своей поддержки.

– Например?

– Вы можете возглавить совет директоров, а производство оставить мне.

– А политика производства?

– В рамках ваших полномочий. Ваше дело направлять, мое – регулировать. Ну и организовывать, разумеется.

– А если меня не устроит ваша организация?

– Устроит. Я кровно заинтересован в успешном развитии предприятия. Если вас беспокоит прозрачность финансовой политики предприятия, то можете не волноваться. Она есть, переживать тут нечего.

– Прозрачность есть?

– Отчет буду представлять лично. Ежеквартально. Нет, ежемесячно. Женщины к этому привыкли, – улыбнулся Шумаков.

– Что?! – вскинулся Матвей.

До сих пор он не находил особых изъянов в поведении этого человека, но сейчас Шумаков явно перегнул палку. Видимо, вошел в раж, попробовал найти слабинку в позициях Василисы.

– Вас это не касается, – заявил Шумаков и глянул на него как на пустое место.

Матвей поднялся.

Шумаков почувствовал угрозу и тоже вышел из-за стола. При этом он глянул на дверь, за которой находился человек из его охраны. Кто-то должен был спустить Матвея с лестницы. Не он сам.

– Извинитесь. – Матвей повел головой в сторону Василисы и слегка отвел назад правое плечо, демонстративно настраиваясь на удар.

– Я ничего обидного не говорил.

– Говорили. Просто уже забыли об этом.

– Я попрошу вас покинуть...

Кулак Матвея с шумом врезался в нос Шумакова. Тот подался назад, ударился головой о дверцу шкафа. На ногах он устоял, но удар его оглушил, отбил желание брать реванш.

Зато у Матвея имелось желание продолжать, и Шумаков это понял. Из носа у него хлынула кровь, он полез в карман за платком.

– Отчет будете представлять ежемесячно, – сказал Матвей. – А получать его – когда заслужите.

– Ты думаешь, это все? – хлопнув носом, удивленно спросил Шумаков.

Этот тип, скорее всего, удивлялся сейчас самому себе. Как же так? Он крутой, могучий, кулаки будь здоров, а какой-то парень смог загнать его в угол с одного удара. Это ведь он должен был сейчас наседать на Матвея, а не наоборот.

– Я знаю, кто ты такой. – Матвей пристально посмотрел на него. – Ты должен обо мне знать. Кто я, на кого могу опереться.

Новокурок – городок небольшой, но в нем имелись и свои бандиты, которых Шумаков сумел подчинить себе. На них он сейчас и рассчитывал.

– На кого ты можешь опереться?

– В общении с тобой – на свои кулаки. Так же, как и ты. Если я в чем-то не прав, то давай, валяй. – Матвей развел руки, подставляясь под удар.

Но Шумаков не поверил в его искренность и правильно сделал.

Матвей не чувствовал никакой вины перед ним, поэтому находился в готовности отбить любой удар и отсыпать добавки. А бил он на редкость мощно. Шумаков проверил это на себе.

– Я же не какой-то дикарь, – сказал генеральный директор.

Матвей усмехнулся. Как будто он не знал, с кем имел дело. С подчиненными Шумаков не церемонился, мог и наорать и в морду дать, особенно по пьяному делу. Такие слухи на пустом месте не рождаются.

– Своим дикарям воли не давай, – заявил Матвей.

– Каким дикарям? – спросил Шумаков и поморщился.

– Я своих тоже попридержу.

– Кого своих?

– Это нехорошие дела, – сказал Матвей. – Не надо ими меряться.

Он готовился к этому разговору, навел справки о Шумакове, заключил договор о взаимопомощи с Пухнарем. Если вдруг что, то из Репнево подтянется бандитская бригада для устрашения. Но лучше не доводить до греха.

– Меряться? Делами?

– А то вдруг их тебе отрежут. По самое не балуй.

– Значит, без дураков? – спросил Шумаков, пронзительно глядя на Матвея. – Чисто по-мужски?

Парень согласно кивнул.

В этот момент Шумаков его и ударил, коротко, без размаха, но достаточно мощно. Матвей успел повернуть голову, и кулак прошел по скользящей. До нокдауна дело не дошло, но ему было больно.

Вслед за первым последовал второй удар, но Матвей присел, пропустил кулак над головой и ладонью пробил под пупок. От боли Шумакова скрутило в бараний рог.

– Не совсем чисто. Но по-мужски, – сказал Матвей, отступив на безопасное расстояние.

Кабинет был большой. Места для маневра здесь хватало.

– Ты что, на железной дороге работал? – разгибаясь, спросил Шумаков.

– На кого я стрелки перевожу?

– Руки у тебя как рельсы чугунные.

– Не знаю. Но переплавке я не подлежу.

– А выпить? – спросил Шумаков и поднял руку, давая понять, что конфликт исчерпан.

– Если только на посошок, – сказал Матвей.

Они остановились в гостинице, туда должны были и возвратиться, но Матвей решил ехать в Москву. Об этом он сказал Василисе уже в машине, под впечатлением от встречи.

– Не нравится мне Шумаков, – заявил он.

– Ты ему тоже не нравишься, – проговорила Василиса и совсем не весело улыбнулась.

– Как бы этот хитрый фрукт в спину не ударил.

Они беспрепятственно покинули территорию комбината. Дорога шла через поля. Справа под высоким обрывистым берегом блестела на солнце река, за ней синели леса.

– Места здесь красивые, – сказала Василиса.

– Еще аномалия. В том числе и магнитная.

– Я бы здесь дом построила. – Василиса кивком показала в сторону реки.

– Опасно здесь.

– Волков бояться... А мы уже с головой в этом лесу.

– Это не лес, а ад самый натуральный. Бросят тутошние черти нас с тобой в кипящий котел, на молекулы расплавят.

– Страшно, конечно. Но кто не рискует...

– Может, продадим свой пакет? – спросил Матвей.

Предложений на этот счет не поступало, но так ведь они еще и не выставляли свою долю на продажу. Рано или поздно желающие найдутся. Василиса получит живые деньги. Можно будет вложить их в современный складской комплекс, строительство которого им пришлось отложить. Василиса будет полной там хозяйкой. На комбинате ее рабочее место может располагаться только в приемной у Шумакова. В лучшем случае он выделит ей отдельный кабинет с вывеской: «Особо почетный гость».

– Нет, – твердо сказала Василиса.

– Ты все для себя решила?

– Да.

– Ну и хорошо.

Матвей совсем не прочь был рискнуть своей головой. Ему нравилось драться, он не боялся лезть на рожон. Парень опасался не за себя, а за Василису. Но раз уж она такая смелая, то ему ничего не оставалось, как ее поддержать. В конце концов, в любом бизнесе приходится рисковать своей головой. Чем серьезней дело, тем выше ставки.

Какое-то время Василиса молчала, напряженно думала о чем-то. Матвей даже решил, что у нее сдали нервы. Она собралась отступить, продать комбинат, на вырученные деньги начать новое дело.

Но оказалось, что Василиса думала совсем о другом.

– Когда ты сделаешь мне предложение? – вдруг спросила она.

– Да я и так твой навеки, – сказал Матвей и нахмурился.

Не хотел он быть бедным родственником при Василисе, мало того, заикнулся на этом пунктике. А ведь она правильно все говорила. Не будь его, ничего бы у нее не было, ни завода, ни самой жизни. Убил бы ее Рубахов как пить дать.

– Если бы ты был моим мужем, то Шумаков не вел бы себя так. Тебе не пришлось бы бить ему морду.

– А что в этом плохого?

– Ты не хочешь жениться на мне?

– Я хочу быть с тобой всегда.

– Может, тебя смущает, что у меня нет ребенка?

– Будет.

– Тогда ты женишься на мне?

– А ты выйдешь за меня?

– Да!

– Тогда, считай, что я сделал тебе предложение.

А чего тянуть-то? Тем более что Василиса права. Она не смогла бы справиться с Рубаховым без него.

Рубахов давил на Василису со всех сторон. Рано или поздно он дожал бы ее, и она это понимала. К тому же Рубахов был виновен в смерти ее родителей.

Василиса пошла ва-банк, выследила подлеца, хотела его застрелить, но попала впросак. Петля уже затянулась на ее шее, когда появился Матвей. Выстрелил он тогда без колебаний и похоронил Рубахова как собаку, без всяких угрызений совести.

Парень убил Рубахова в том же доме, где погибли родители Василисы, и она сама едва не стала жертвой бандитов. По воле Рубахова это здание отошло тете Розе, но ей вовсе не хотелось там жить после целой череды убийств. Василисе даже не пришлось уговаривать ее. Она с легкостью продала недвижимость и убралась в родные края.

В этот дом Матвей сейчас и вез Василису.

Глава 2

Мама спала в обнимку с отцом, грудью прижимаясь к его спине, будто удерживала его, старалась, чтобы не сбежал. Он вполне мог это сделать. Большие деньги порождали соблазны, перед которыми отец не мог устоять. То одна любовница, то другая. Дома он появлялся все реже и реже.

Василиса понимала, что когда-нибудь он совсем уйдет, остро чувствовала надвигающуюся беду. Сперва отец, а потом и мама. Останется она одна в этом большом пустом здании.

Рассвет еще не наступил. В доме было темно, и только в руке у нее горела свеча. Но мама и отец еще были живы, находились в своей спальне.

Василиса стала подниматься к себе в комнату, и тут свеча в руке вдруг потухла. Ее погасил сквозняк. Шторы на окнах заколыхались. Кто-то тихонько открыл входную дверь.

Бандиты? Неужели началось?

Василиса должна была разбудить родителей, рванула к ним, но вдруг сама оказалась в постели. В спальне было темно, только на тумбочке светился будильник. Рядом с ней спал Матвей. Занавески на окнах не шевелились. Но значило ли это, что в дом никто не заходил?

Василиса стремительно поднялась, тихонько открыла дверь, выглянула из спальни, прислушалась. Где-то внизу едва слышно скрипнула ступенька. Кто-то медленно и осторожно поднимался по лестнице.

Василиса закрыла дверь на защелку, бросилась к Матвею.

Нужно было его разбудить, но он сам проснулся, открыл глаза, сонно глянул на нее и спросил:

– Что такое?

Василиса нервно приложила палец к губам и кивком показала на дверь.

Матвей понял ее правильно. Он поднялся, почти бесшумно снял крышку тумбочки, под которой лежал пистолет с глушителем. На это ему понадобилось всего несколько секунд.

Матвей приложил палец к губам, приблизился к двери, осторожно открыл ее и сразу же выстрелил. Затвор пистолета глухо лязгнул. Василиса вздрогнула от этого пугающего звука.

Матвей вытянул руку, снова выстрелил, переступил порог и вышел в холл. Опять послышалось лязганье затвора.

Василиса подумала, что его и самого бандиты могли убить прямо сейчас. Не думая о себе, она бросилась за ним.

В холле Матвея уже не было, зато на полу лежал, конвульсивно дергая ногой, какой-то человек. Пуля вошла ему в сердце, но убила не сразу.

Страх надавил на грудь Василисы, но вскрик из нее не вырвался. Она должна была взять себя в руки и смогла это сделать. Ясно же, что кто-то нанес удар. Возможно, это произошло из-за комбината, за который она собиралась бороться. Так или иначе, но драка уже началась. Матвей опять оказался на острие событий. Да и она сама пребывала в большой опасности.

Но страх придется превозмочь. Нужно идти вперед. Вдруг Матвею будет нужна ее помощь.

Матвей шел напролом. В холле на втором этаже тоже лежал человек и даже не шевелился. На груди у него расплывалось кровавое пятно. Третий труп валялся на террасе, а Матвей был уже у ворот. Он потрогал калитку и повернул назад.

На улице стояла холодная майская ночь, а Василиса была в одной ночной рубашке. Впрочем, замерзнуть она не боялась. Куда страшней получить пулю.

В руке у покойника Василиса увидела пистолет и попыталась его отобрать, но тот держал оружие мертвой хваткой. Василиса с силой потянула ствол на себя раз, другой. На третий тело

дернулось, по руке прошел нервный импульс. Василиса испуганно отскочила. Вдруг покойник ожил?

Но тело лежало неподвижно. Пистолет оказался на полу.

Василиса схватила его, оглянулась, но Матвея не увидела. Он обходил дом, а она должна была осмотреть его изнутри. Вдруг где-то притаился бандит?

Василиса помнила, как шла убивать Рубахова. Тогда она заходила в дом с пистолетом в руке, но этот подонок уже караулил ее, подкрался сзади, схватил. Сейчас девушка тоже могла оказаться в ловушке.

Страх перед смертью, как ни странно, придал Василисе спокойствия. Она обошла дом, заглянула в каждую комнату, никого не увидела. А Матвей все не появлялся.

Василиса вышла во двор, обогнула дом, но Матвей как сквозь землю провалился. Она осмотрела весь двор, заглянула в баню, за беседку, вернулась к дому.

Только тогда со стороны ворот появился Матвей. В одной футболке и семейных трусах, босой, в руке пистолет, но в глазах ни грамма смущения. А ведь он на улицу выходил, мог попасться на глаза соседям, а то и нарваться на пулю. Василиса с содроганием подумала об этом.

– Ты чего раздетая? – спросил он, обнимая ее за плечи.

– А сам?

– Теперь можно и одеться. Что это у тебя? – Он перевел взгляд с пистолета в ее руке на покойника.

– Он сам мне его отдал, – сказала она и натянуто улыбнулась.

– Еще раз, – глядя ей в глаза, проговорил Матвей.

– Что еще раз?

– Улыбнись. Ничего страшного не произошло. Мы живы. А бандитов больше нет. Жаль.

– Что жаль?

– Я думал одного живым взять. А в машине никого не оказалось. – Он кивком показал за ворота.

– В машине?

– С курскими номерами.

– Шумаков?

– Ты еще не замерзла?

Они зашли в дом, и Матвей прижал Василису к себе. Она должна была согреться, но ее затрясло от озноба.

– Страшно? – спросил он.

– Нет, – отстучала она зубами.

– Вдохни глубоко и медленно выдохни. Давай за дело! Вдруг милиция подъедет.

Василиса вспомнила, как доставала из кладовки клеенку, в которую они затем упаковали Рубахова. Там ее еще много оставалось. Она знала, куда идти, где и сколько брать.

Начали они со второго этажа. Там, в холле уже неподвижно лежал тяжеловесный парень двухметрового роста. Массивная голова, грубое лицо, мощная шея, кожаная куртка поверх армейского камуфляжа. В кармане Матвей нашел водительские права и техпаспорт на машину.

– Комков Павел Антонович, – прочитал он. – Курская область, Новокурский район. Вопросы есть?

Василиса лишь качнула головой. Мол, да, так и есть. Шумаков снарядил по нашу душу своих бандитов.

– Тогда за дело.

Обе пули застряли глубоко в теле. Кровь разлилась по груди, намочила одежду, однако на пол не пролилось ни капли. Зато второй покойник оставил после себя большую лужу, и Василисе пришлось браться за тряпку.

Крови хватало и на террасе. Василиса спешила, поэтому быстро умаялась. Зато ей казалось, что Матвей не знал усталости. Он упаковал покойников, загрузил тела в машину, туда же забросил лопату.

До рассвета оставалось всего полтора-два часа. За это время им нужно было много чего сделать.

В машину Василиса садилась в состоянии полного упадка, как физического, так и душевного. Вдруг в пути они столкнутся с милицией? Никак нельзя попадаться с таким багажом. Но если им повезет и они смогут избавиться от трупов, то что их ждет дальше? За первым ударом могли последовать второй и третий. Надолго ли их хватит?

Если бы не Матвей, то руки у Василисы совсем опустились бы. Одним своим присутствием он успокаивал ее, внушал надежду. Отец ничего не смог поделаться с бандитами, которые напали на них, а Матвей управился с ними одной левой, стрелял быстро, точно. При нем была Василиса, поэтому он бил наверняка, чтобы ни одна сволочь не смогла причинить ей вред. С ним она была как за каменной стеной.

– Ты чего приуныла? – спросил он уже после того, как они выехали со двора.

Фары смело светили в ночь, разгоняли сырую туманную взвесь. Где-то в темноте за ними скользили опасные тени, возможно, сама нечистая сила преследовала их, но Василису пугало не это. Ее тревожила возможная встреча с милицией или с бандитами, которые, быть может, прямо сейчас спешили на подмогу своим друзьям.

– Шумаков нас в покое не оставит, – сказала она.

– Ему самому сейчас нужно прятаться, – заявил Матвей.

– Ты в этом уверен? Сам ведь говорил мне, что там целая банда...

– Банда – это змея. С одной головой. Если отрубить ее, то хвост подергается и затихнет.

– А кто голова?

– Раньше был Горлач.

– Может, и сейчас он? – Василиса пожала плечами.

Не знала она никакого Горлача и не могла судить, сильная это голова или не очень. А раз так, то ей без разницы, кто там управляет той анакондой, которая уже набросила на них первое кольцо. К счастью, неудачно.

– Информация, честно говоря, не совсем свежая. Но кое-что уже подтверждается, – сказал Матвей.

– Что подтверждается?

– Комков Павел Антонович. Кличка Комок. Был такой персонаж в банде у Горлача. Других не знаю, документов не нашел. Надо потом будет в машину заглянуть.

– Мне страшно, – сказала Василиса и поежилась.

– Мне тоже.

– Тебе страшно? – Василиса просто не могла в это поверить, во всяком случае, сейчас.

– Глаза бояться, руки делают. Шумакова тоже надо будет закопать.

– А ты сможешь?

– Вариантов мало. Сбежать от тебя или... Я выбираю второй вариант и буду идти до конца.

– Ты с Пухнарем договаривался.

– Да вот думаю. – Матвей озадаченно поскреб подбородок.

– Что думаешь?

– Ты же серьезно за комбинат взялась?

– Наверное, да.

– Мне нужно знать наверняка. Если мы решим с Шумаковым и продадим комбинат, то это одно. Если возьмем комбинат и осядем в Новокурске, то это другое.

– Что другое?

– Тогда и Пухнарь там осядет.

– Это плохо?

– Это не очень хорошо. Он же права качать начнет, на голову нам сядет. Непременно попытается.

– Что делать?

– Мы продаем комбинат или где?

– А если продаем?

– Тогда я подключаю Пухнаря.

– А если нет?

– Тогда решаю с Шумаковым сам.

Они заехали в лес, углубились в него, насколько это было возможно. Матвей остановил машину, выбрался из нее и взялся за лопату. Он торопился успеть до рассвета, поэтому работал без остановки, лопатой махал мощно, широко.

Василиса невольно залюбовалась им и еще раз поймала себя на мысли о том, что покойники ее ничуть не пугают. Ночь, могила, трупы, а она далека от кладбищенской жути. Ей всего восемнадцать, а она уже досыта наелась этой дряни.

Родителей убили, за ней охотились, в них с Матвеем стреляли, пули проносились над головами, когда они уходили от погони. Затем она мстила за родителей, собиралась убить Рубахова. Матвей застрелил его, когда этот мерзавец ее душил. Она тогда оказалась в объятиях покойника.

Чуть погодя их пришли убивать телохранители Рубахова. Матвею пришлось братья за оружие. Правда, хоронить их вот так в лесу не пришлось. Трусами занялась милиция.

Не успела Василиса перевести дух, как оказалась в лапах у Виктора. Лилия тогда пришла ей на выручку, но спустя некоторое время сама попыталась ее убить.

«Теперь вот снова, – подумала она. – Ни конца этому ни краю. Может, нам и правда стоит продать все и уехать куда-нибудь далеко-далеко, где тихо и спокойно?»

До рассвета Матвей не успел. Слишком уж много земли ему пришлось вынуть. Но братская могила удалась. Он закопал покойников глубоко, плотно утоптал место захоронения, тщательно забросал его листвой.

Василиса помогала ему. В машину она садилась едва живая от усталости, но с чувством исполненного долга.

– Как будто ничего и не было, – сказала она, откинула спинку кресла и легла.

Отдохнуть не помешало бы, да и в окно смотреть у нее не будет возможности. Ночью Василиса не понимала, куда они едут, и сейчас ей вовсе не обязательно запоминать обратную дорогу. Она не желала знать, где похоронены бандиты, и если вдруг что, то пытать ее будет бесполезно. Такие вопросы много у кого могут возникнуть. Следующий круг ада еще впереди.

– Давай продадим комбинат и уедем. Не хочу больше ничего! – проговорила Василиса.

Матвей ничего не сказал, но она приняла его молчание за согласие и спросила:

– А если мы уедем, то зачем нам с кем-то разбираться? – спросила она.

– Сегодня тебя пытались убить. Шумаков должен за это ответить.

– Может, не надо?

– Отдыхай, пока есть такая возможность, – немного подумав, сказал Матвей.

– А ее может и не быть?

Он пожал плечами. В доме их действительно могла поджидать очередная опасность. Неизвестно было, повезет им в этот раз или нет.

Однако им повезло. Хотя бы потому, что в доме их ждали только призраки убитых бандитов.

Василиса еще раз вымыла пол после них, приняла душ и, вконец измотанная, легла спать. Когда она проснулась, Матвея дома уже не было.

На улице май месяц, но до жары еще далеко. Ночи холодные, а вода в озере и вовсе студеная. Но Шумакова это ничуть не пугало. Он сиганул туда с разгона, с высоких мостков и погрузился с головой.

Все из-за Горлача. Этот хрен устроил из парилки газовую камеру. Шумаков стал задыхаться от сильного жара уже на третьей минуте, но в грязь лицом не ударил, держался до последнего. Он покинул сауну всего на секунду или две раньше Горлача, а теперь вот бухнулся в холодную воду. Вокруг аж зашипело.

Озеро, конечно же, куда лучше бассейна. И раздолье здесь настоящее, и русалки не потешные. Если схватит за ногу ожившая утопленница, то на дно к себе точно утянет. Но это будет не так уж и не страшно. Куда опасней снова с Горлачом в парилке закрыться.

Русалок видно не было. Наверное, они еще не отошли от зимней спячки.

Время уже позднее, темно, но полночь еще не наступила. Они с Горлачом успеют приговорить бутылочку водки. Если она не отравлена. Что-то не то сегодня с Горлачом.

Шумаков накупался, поднялся на мостки, вернулся в баню. Там и жарко, и тепло. Жар давала печка, а тепло – Марина с Людмилой. Бабы знойные. Шумаков с удовольствием прижался к темноволосой Марине.

– Не понял! – возмущенно протянул Горлач.

Он не выходил из себя, в его словах звучала ирония. Марина ему не жена, даже не любовница, но эту ночь она должна была провести с ним. Людмила досталась его гостю. Ничего страшного не произойдет, если эти очаровательные особы вдруг перепутают хозяина. Но Горлач, похоже, так не считал, во всяком случае сегодня. На Марину он смотрел как на свою законную собственность.

– Севастьян Егорович такой несчастный! – проговорила Марина и еще крепче прижалась к гостю.

– С чего это я несчастный? – спросил Шумаков, отстранился от девушки, насмешливо посмотрел ей в глаза.

– Не знаю, мне показалось. – Марина хитро улыбалась, умоляла не судить ее строго и даже просила немного наказать.

Прямо сейчас. Взять в руки плетку и... Правда, плетка эта сейчас находилась у нее в руке. Движения были нежные, волнующие.

– Значит, есть какие-то проблемы! – сказал Горлач, звонко шлепнул Марину по заднице, и эта самая плетка выскользнула из ее руки. – Разогрейтесь пока! – Он махнул рукой на парилку.

Марина кивнула и скрылась за дверью. Людмила исчезла вслед за ней.

Шумаков мог бы присоединиться к девочкам, но на сегодня был сыт парилкой по горло. Да и Горлач уже шагнул в трапезную. А там холодная водка!

Горлач плотно закрыл за собой дверь и спросил:

– Чего ты такой несчастный, Егорович?

Здоровый он мужик, кряжистый как столетний дуб.

– А вот Марину приласкаю и стану счастливым, – нашел чем ответить Шумаков.

Горлач – главный в городе бандит. Он много чего мог в Новокурске, но сам он зависел от комбината, от денег, которые перепали ему с барского плеча. Если Шумаков позабавится сегодня с Мариной, то Горлач это проглотит. Не будет он ссориться с боссом из-за какой-то шалавы. Придется ему смириться и встать в стойло.

– Не знаю, – сказал Горлач, нахмурился и вдруг добавил: – Не верю я в счастье в загробном мире.

– Кто-то туда собирается? – Шумаков настороженно глянул на него.

Горлач всерьез считал себя его покровителем, а сегодня был еще и не в настроении, поэтому очень даже запросто мог качнуть права. Придушит своими железными лапищами или ножом пырнет, а потом уже будет разбираться, кто из них босс, а кто шестерка.

– Твои враги, – поигрывая желваками, сказал Горлач.

– Мои враги?

– Ну а кто тебе морду набил?

– Давай не будем! – пробурчал Шумаков и скривился.

Матвей Вересов действительно смог навалить ему. Он не хотел вспоминать об этом.

– Крутой он пацан, этот Верес.

– Да, ты об этом говорил, – сказал Шумаков.

– Ты ведь и сам это прочувствовал, да, когда на бабу его попер?

– При чем здесь это?

– Нельзя на чужую бабу пасть разевать, понял?

– Учить меня будешь?

Горлач какое-то время молчал.

Он продолжал перекатывать желваки, тяжело глядел на собеседника и наконец сказал:

– Вересова я пробил, знаю, кто он такой. Эта твоя проблема уже решается.

– Вот как? – Шумаков озадаченно повел бровью.

Не нравилось ему настроение Горлача. Он видел, что должен быть готов к какому-то подвоху с его стороны.

– Разве с Вересом не нужно разобраться? Как с ним, так и с Улеевой.

– А я тебя просил? – вскинулся Шумаков.

Он, конечно же, должен был вывести Улееву из игры и разобраться с Вересовым, даже настроился на крайние меры, но заказ Горлачу делать не собирался. Генеральный директор думал даже нанять киллеров со стороны.

– Ты ведь жаловался.

– Я не жаловался!

– Но проблему обозначил.

– И поперед батьки в пекло?

– А кто батька? – осведомился Горлач.

– Тебе это так важно?

– Да, важно.

– Поэтому ты и проблему мою решил. В зависимость меня поставил, да?

Горлач ухмыльнулся и плотно сжал губы. На самом деле он усилил эту зависимость и собирался потребовать еще больше на свой бандитский общак.

– Ты ведь сказал, что проблема решается, – заявил Шумаков.

– Она еще не решилась. Но пацаны уже в работе.

– Надо было мне сказать.

– Считай, что это подарок.

– Подарок? В нагрузку?.. – спросил Шумаков и едко усмехнулся.

Ему вовсе не хотелось отстегивать Горлачу лишние деньги.

– Что тебе не нравится? – осведомился тот и пристально посмотрел ему в глаза.

– Все не нравится!

– И я не нравлюсь?

– И ты не нравишься!

– Куда ты без меня?

Шумаков задумался. Когда-то они с Горлачом были по-настоящему одной командой. В свое время бандиты очень помогли ему прибрать к рукам комбинат, но с тех пор они паразитировали на его трудовых мозолях. От них не было никакой пользы.

Давно уже пора было избавляться от Горлача и его банды. Но как это сделать? В РУОП обратиться? Но Горлач слишком много знает. Можно со стороны людей нанять, которые зачистят и его, и всю банду. Был у Шумакова один человек в Москве, к нему он и думал обратиться, чтобы решить с Улеевой.

– Чего молчишь? – жестко спросил Горлач.

– Нет, ничего. Нормально все.

– А может, мне отбой дать? – спросил Горлач с коварной усмешкой в уголках губ. – Если не поздно, разумеется.

Шумаков задумался. Не вопрос, Василиса Улеева – кость в горле. Причем крупная, которую не мешало бы раздробить. Если она вдруг умрет, то ее пакет акций всякие люди, заинтересованные в этом, начнут рвать на части. Со временем эти лакомые куски можно будет скупить. Совсем не обязательно давать отбой. А с бандитами он потом разберется.

– Баба она красивая, – продолжал Горлач. – Незамужняя. Женишься на ней, объединишь капиталы.

Шумаков в раздумье качнул головой. Вариант, конечно, интересный, но пойдет ли за него Василиса? Да и жена у него. Он свою Лизу любил, хотя и гулял от нее.

– А что, нормально будет? Женишься на молодой и красивой, а я, так уж и быть, Лизавету твою подберу.

– Ты Лизавету? – Шумаков постарался взять себя в руки.

Ситуация, мягко говоря, не очень. Горлач намеренно шел на обострение, а вокруг лес. База отдыха пустует, милиция сюда сама по себе никогда не заглядывает, а глухой сторож наряд не вызовет, хоть над самым ухом у него стреляй. Может, потому Горлач и пер на рожон. С ним целая свита, три быка, а у Шумакова только водитель, он же телохранитель.

– Мне нравится, – с усмешкой сказал Горлач.

– Лизавета нравится?

– Мы с ней даже попробовали, – выдал Горлач и прижал к своему паху воображаемую голову реально существующей женщины.

– Знаешь, ты еще что-нибудь придумай, а я до ветру. – Шумаков со свистом, сквозь зубы втянул в себя воздух, изображая позыв.

– Марину можешь попробовать. С Лизаветой сравнишь. Мне потом скажешь.

Горлач откровенно издевался над ним, но Шумаков на провокацию не поддавался. Сначала нужно убраться отсюда подальше, а потом уже отвечать на вызов.

Хитро придумал Горлач, ничего не скажешь. Его люди убивают или всего лишь неудачно покушаются на Улееву. Вина падает на Шумакова, но его самого находят мертвым. Все будет подано так, как будто это Вересов отомстил ему. Или его люди – за смерть своего босса. Горлач останется сухим и возьмет под свое крыло Лизу с ее наследством.

Из сауны Шумаков вышел в одной тунике из простыни и торопливо направился к своей машине, которая стояла у гостевого домика. Туда вела дорога, вымощенная камнем, над которой качались на ветру высокие сосны. Их ветки угрожающе скрипели над головой.

Сначала он увидел дом, а затем и человека, который вынырнул из темноты ему навстречу. В одной руке Вагончик держал рацию, в другой – пистолет с глушителем.

– Куда-то спешим, Севастьян Егорович? – спросил бык.

– Да, в туалет, – немеющим голосом проговорил Шумаков.

Горлач играл с ним в кошки-мышки, сначала отпустил, позволил ощутить иллюзию свободы, а потом снова поймал. Вагончик сейчас был его лапой. У него имелись острые когти, снабженные глушителем.

– А вы под себя, Севастьян Егорович! Прямо здесь. Убегать никуда не надо будет, – заявил Вагончик.

– Кто сказал, что я убегая?

– Делать этого не надо, Севастьян Егорович. От себя не убежишь. – Вагончик самовольно усмехнулся.

Он был премного доволен собственным красноречием, но хорошее настроение не помешало ему поднять правую руку и навести ствол пистолета на жертву.

Шумаков в ужасе зажмурился, невольно затаил дыхание. В наступившей тишине с глухим звоном щелкнула затворная рама.

Это был выстрел, но боли Шумаков не почувствовал и сознание не потерял. Он открыл глаза и увидел, как падает Вагончик. Пуля попала ему в висок, прострелила голову насквозь. Смерть была мгновенной.

Шумаков повернул голову на звук и увидел знакомое лицо. Матвей Вересов стремительно приближался к нему, в руке пистолет, на губах едкая усмешка.

Вересов опустил руку, в которой держал оружие. Это сбило Шумакова с толку. Он расслабился и пропустил атаку. Матвей ударил его кулаком в горло. От резкой боли в голове у генерального директора замкнуло.

Любить так любить, стрелять так стрелять. Тем более что Матвей стрелял ради любви к Василесе. Один бандит уже валялся на земле, около гостевого дома. В бане тоже должно было что-то происходить. Сейчас там находился Пухнарь со своими орлами. Лишь бы не подвели.

Матвей присел на корточки рядом с Шумаковым, лежащим на земле, шлепнул его пальцами по щеке. Ноль реакции. Он приложил палец к шее и почувствовал, что артерия вроде пульсирует. Живой. Значит, не зря парень шел за ним от самой бани, спасал от бандита, который непонятно зачем собирался его убить.

Шумакова надо было бы связать, но Матвей не стал тратить на это время, со всех ног рванул к бане.

Пухнарь не подвел. Один бандит, нашпигованный пулями, лежал на полу в прихожей, другого Матвей нашел в трапезной. Здоровенный бугай покоился на перевернутом столе. Из простреленного живота на белую скатерть стекала кровь.

– Горлач. – Пухнарь повел пистолетом в сторону покойника.

– Туда ему и дорога, – сказал Матвей, стараясь сохранять внешнюю невозмутимость.

Пухнарь очень здорово ему помог, сначала информацией, а затем и личным участием. Пока что дело ладилось. Они вышли к Новокурску, зацепились за Шумакова, выследили его, разобрались в ситуации, на месте приняли решение.

– В озеро их давай, – сказал Пухнарь, обращаясь к яйцебородому Туку.

В этот момент и послышались звонкие женские голоса. В баню со стороны озера торопливо вошли две обнаженные дивы. Их распаренные тела покрылись мурашками после освежающего купания. Эти очаровашки хотели пройти в парилку, но Пухнарь перекрыл им дорогу.

– Здравствуйте, девочки!

Он смотрел на них с улыбкой работяги, оценивающего живой товар. Эти особы очень даже впечатляли, особенно шатенка с изумрудными глазами. Тут и лицо, и фигура.

Шатенка увидела Горлача, лежащего на полу, всполошенно глянула на Матвея.

– Где Шумаков? – спросил он, стараясь смотреть ей в глаза.

– Не знаю, – жалко пробормотала она.

– Зачем он это сделал? – Матвей кивком показал на покойника и повернулся к девушкам спиной.

Проститутки – это хлеб Пухнаря, пусть он ими и занимается. Его сейчас куда больше интересовал главный виновник торжества.

Шумаков уже пришел в себя, но еще только начал подниматься с земли, когда Матвей подошел к нему. Сильный удар в живот вернул его на место.

– Лежать! – Матвей вытащил из-под генерального директора простыню и крепко связал ею его руки.

Затем он отправился к черному «Мерседесу», который стоял возле гостевого дома, и обнаружил в машине труп водителя. Судя по всему, его удавил тот самый бандит, которого застрелил Матвей. Шумаков должен был умереть вслед за своим водителем. Впрочем, у него все еще было впереди.

Матвей вернулся к Шумакову, грубо схватил его, оторвал от земли, так же бесцеремонно дотолкал до машины, показал на покойного водителя и спросил:

– Твоя работа?

– Да ты что такое говоришь?

– А чья?

– Вагончик это. – Шумаков кивнул через плечо.

– Зачем?

– А меня зачем?

– Так это не я. Горлач с катушек слетел... Тебя заказал!

Шумаков из кожи вон лез, старался смотреть прямо в глаза.

– Я в курсе.

– Сам заказал. Без меня!

– Да, конечно!

– Нет, честное слово!

– А чего ты колотишься? – с усмешкой проговорил Матвей. – Как будто отпущение грехов хочешь заработать. Я тебе не священник, мне твоя исповедь не нужна. Так умрешь, без покаяния. – Он приставил ствол пистолета к животу Шумакова.

– Не надо! – проблеял тот.

– Плохо ты наводил об мне справки, дурачок. Пока мы с Василисой вместе, нас нельзя убить. Сколько таких придурков было, которые не верили. Ты тоже был! – Матвей внутренне напрягся, заставляя себя нажать на спусковой крючок.

Шумаков пугливо дернулся, отшагнул назад.

– Застрелиться хочешь? – сказал Матвей, принимая решение. – Ну, давай. – Он шагнул к Шумакову и приставил ствол пистолета к его подбородку.

Бедняга в ужасе бухнулся перед ним на колени. Руки у Шумакова были связаны за спиной. Медленно опуститься он не смог, поэтому больно стукнулся коленками об асфальт, скривился от боли и страха.

– Но я и правда вас не заказывал! Это Горлач все устроил. Подставить меня хотел!

– Думаешь, я должен тебе поверить? – в раздумье спросил Матвей.

– Но это правда! У Горлача спроси!

– Не могу я у него спросить. Убил ты своего дружка, – произнес Матвей и хищно усмехнулся.

– Я убил?

– Застрелил его в сауне и бросился бежать. А тут Вагончик. Ты и с ним тут же разобрался.

– Но это не я!

– Водителя своего и в самом деле не ты. Этого бедолагу мы, так уж и быть, на Вагончика спишем.

– Но я никого не убивал и тебя не заказывал. Давай договоримся! – Шумаков тянулся к Матвею, как будто собирался обнять его за ноги.

Он сделал бы это, если бы руки его были развязаны.

– Попробуй. – Матвей брезгливо поморщился.

– Я уеду за границу. Сегодня же соберусь и отправлюсь. Генеральным директором станешь ты. Завод теперь твой!

- Не справлюсь я, – сказал Матвей.
- Селиванов тебе поможет. Он все знает и умеет.
- Селиванов, это кто?
- Мой зам.
- А ты на покой?

Матвей в раздумье огладил несуществующую бороду. Вообще-то, они с Василисой собирались продать комбинат и даже уехать куда-нибудь в теплые спокойные страны. Но если удача сама идет в руки, то зачем бежать от нее?

- Просто уеду.
- А если обманешь, так и будешь путаться под ногами?
- Непременно уеду.
- Уедешь, – сказал Матвей, с силой потянул Шумакова за собой, швырнул его под куст возле самой бани, а сам зашел внутрь.

Трупа в предбаннике уже не было. В трапезной находились только Тук и Бычок, оба вполне живые.

Пухняря Матвей нашел в массажной. Шатенка с изумрудными глазами стояла на четвереньках, а он усиленно вталкивал в нее свои чувства и желания. Девка постанывала сквозь зубы.

- Однако Пухнярь все равно услышал Матвея, резко повернул к нему голову и заявил:
- Я же сказал!.. Ага, это ты.

Шатенка затуманенно посмотрела на Матвея. Не хотелось ей с Пухнярем, но и отказать ему она не могла, потому как проститутка.

Матвей пожал плечами. Он и не думал осуждать Пухняря за это развлечение. Его поколебил сам факт. Еще не развеялся запах пороха, не засохла кровь на полу, а Пухнярь уже всю пользовался трофеем. Потому что ни стыда у него ни совести, зато похоти как дерьма в сточной канаве. Одно слово, бандит. Только дай ему волю, вмиг на голову сядет и ножки свесит.

- Иди сюда! – резко сказал Матвей, закрывая за собой дверь.
- Но Пухнярь появился не сразу. Сначала он закончил свое дело, затем вышел.
- Чего так долго? – спросил Матвей, пристально глядя на него.
- А что не так? – буркнул Пухнярь и нахмурился.

Он не подчинился Матвею, поэтому не должен был отчитываться перед ним. Но тот считал иначе и постарался донести до Пухняря свою позицию взглядом, вполне спокойным, но таким же тяжелым, как льющийся чугун. Он смотрел на него как сталевар в огненное жерло маргеновской печи.

- Пухнярь занервничал под этим его взглядом.
- Нормально все. Трупы уже там, – сказал он и махнул рукой в сторону озера.
- Кто стрелял?
- Бычок.
- Ствол у него?

Матвей собирался списать всех покойников на Шумакова. Надо запятнать орудия убийства его пальчиками, стволы надежно спрятать. Сам он пусть убирается, и чем дальше, тем лучше.

- Пока да.
- Всех давай в озеро. Пора по домам.

Матвей еще не знал, займут ли они с Василисой место Шумакова, но не сомневался в том, что Пухнярю в Новокурске точно делать нечего. Получит он окончательный расчет и отправится к черту. Никому не нужна такая ненадежная опора.

Глава 3

Осень уже на дворе, а Лилия цвела так, как будто весна в самом разгаре. Пахло от нее свежим, еще морозным, но уже солнечным мартом. От возбуждения кровь ударила во все головы Глеба. Он просто не в состоянии был сдержать свой порыв и набросился на Лилию как самый настоящий кобель.

В себя Глеб пришел не раньше, чем все закончилось, в состоянии полного нестояния.

– Завел бы ты себе резиновую бабу, – буркнула Лилия, поднимаясь с кровати. – Рвал бы ее как Тузик грелку. – Она подняла руки, потянулась, выставляя напоказ нежную попку.

Глеб скривил губы, глядя на нее. Год уже прошел, как они вместе. Казалось бы, Лилия давно должна была ему надоест, но нет, он по-прежнему заводился от нее с пол-оборота и все так же завороченно любовался наготой этой особы.

Лилия приняла душ, высушила голову, а он все так же лежал и не мог пошевелиться.

В комнату она вошла, на ходу запахивая халат.

– Можешь даже живую бабу найти, – сказала Лилия, усаживаясь в кресло.

– Ты не против? – с усмешкой полюбопытствовал Глеб.

Были у него живые бабы, как за последний год, так и вообще, но Лилия, увы, так и осталась вне конкуренции. Затмить ее могла только Василиса, но с ней никаких шансов. Не захочет она с ним. Даже если Матвей вдруг уйдет из ее жизни, все равно не пожелает. Хотя кто его знает.

– Большому кораблю большое плаванье. В свободных водах. Островок этот мне отдай, и семь футов тебе под килем! – Лилия махнула рукой за окно.

– Какой островок?

– Квартиру эту. Ты обещал.

– Однокомнатную?

– Какую заслужила, – сказала Лилия и разочарованно вздохнула.

– Большую не заслужила?

– Большая у меня непременно будет.

– И семь футов под килем?

Глеб начал заводиться, глядя на Лилию. И красивая она, и сексуальность зашкаливает. Как Глеб мог ее кому-то отдать, когда самому не хватает?

А если эта красотка уже с кем-то крутит? Он же не мог навещать ее каждый день. Она частенько оставалась без присмотра. Может, впускала кого-то к себе на огонек.

– Да мне и одного фута хватит. Если с большой душой. А у тебя она маленькая. – Лилия обвела рукой пространство вокруг себя.

– А тебе семь комнат подавай?

– Зато язык у тебя семифунтовый, – заявила Лилия и ехидно усмехнулась.

– Хорошо, я куплю тебе квартиру побольше.

– Лучше синица в руках. Ты дарственную обещал.

– На синицу?

– Хочешь услышать, что у тебя журавль, а не синица, да? – Лилия фыркнула, закатила глазки. – Хорошо, пусть будет журавль. В небе.

– А в руках?

Лилия высоко подняла голову, резко разомкнула губы и шумно выпустила воздух. Не хочет отдавать квартиру, и не надо, лишь бы пустыми разговорами не грузил. Именно так Глеб должен был понять ее. Ему надлежало прямо сейчас отправиться к нотариусу, оформлять дарственную. Тем более что опыт у него уже был.

Он хорошо помнил, как Матвей наехал на него и с такой силой поставил перед фактом, что мочевого пузыря не выдержал. На следующий день Глеб принес ему дарственную на блюдечке с голубой каемочкой. Комбинат свой отписал.

– Молчишь? – спросил он, недовольно глядя на Лилию.

– Мечтаю.

– О семифунтовом?

– И завидую! – Лилия распахнула глаза и резко посмотрела на него. – Василесе!

– Василесе? – вскинулся Глеб.

Он понимал, что Лилия нарочно злит его, но все равно вздрогнул. Любила она Матвея и отдалась бы ему при первой же возможности. А вдруг это уже произошло?

– Там такие ветра в ее паруса задувают, – сказала Лилия.

– А замуж не зовут, – добавил Глеб и язвительно скривился.

Он знал о Василесе не все, но многое, потому как ревностно следил за ее успехами и даже признавал их. Добилась Василеса немало. Самого Шумакова вытеснила на обочину, прибрала комбинат к рукам, установила над ним свой контроль.

Без Матвея здесь наверняка не обошлось. Но, видимо, не все у них гладко, если Василеса до сих пор не замужем. Матвей не хочет жениться, или ей не нужен такой муж. Деньги должны тянуться к деньгам, а у Матвея за душой ни гроша.

Возможно, ей нужен был Глеб. Он не исключал, что она даже имеет на него виды, но пока не хочет в этом признаваться. Да и нет у нее возможности подать ему знак.

Да, он бы на ней женился. Невеста она реально богатая. Господин Холодов, управляющий «Ру-банком», зубами скрипеть начинал, едва только разговор заходил о Новокурском комбинате.

Не так давно в стране случился дефолт. Доллар взлетел и продолжал набирать новые высоты. Сталь уходила за границу по прежней цене, в валюте, разумеется, и в том же количестве.

Выходит, что экспортная прибыль комбината увеличилась чуть ли не в три раза. Значит, и акции этого предприятия резко поднялись в цене.

Впрочем, и у Холодова дела шли не хуже. Металлургическое производство работало, товар продавался, прибыль от экспорта увеличивалась.

Глеб старался быть в курсе всех дел, держать руку на пульсе событий. У него даже имелся свой кабинет в офисе компании. Дело для него на первом плане, институт на втором, Лилия на третьем.

Институт можно поменять местами с Лилией, но бизнес так и останется во главе угла. Иначе нельзя. Глеб до трясучки боялся оказаться в числе банкротов. Кому он тогда нужен будет, нищий, да еще и в долгах? Та же Лилия первая отвернется от него, еще и посмеется.

– Значит, Василису все устраивает, – сказала она, немного подумала и добавила: – А меня нет. Я замуж хочу. Совсем не обязательно за тебя. – Лилия с нарочитой небрежностью зевнула в кулак.

– А за кого?

– Да мало ли. Хотя бы за Виктора.

– Почему за Виктора? – Глеб удивленно вскинул брови.

– Потому, что он и косой, и хромой. Это я так, к слову.

– Не очень удачный пример.

– Ничем не хуже твоего.

– Это как сказать. – Глеб облизнул губы, глядя на Лилию.

Сколько же в ней секса и огня! Он все время хотел ее.

– Иди ко мне! – Глеб поманил ее к себе.

Лилия поднялась и показала ему спину.

– Одна комната, одно желание, – на ходу сказала она, исчезая из вида.

– Будут тебе две комнаты, – заявил он, потягиваясь и зевая. – Даже три.

Экспортная выручка, может, и росла, но в целом дела шли не очень. Кризис тому виной. Но ничего, скоро все наладится. Глеб сможет взять крупную сумму на новую квартиру и машину для Лилии. Все у нее будет.

Только вот замуж он ее не позовет. Зря она устраивает ему сцены, набивает себе цену. Глеб побережет себя для лучшей партии. Возможно, даже на Василисе женится. Будет жить с ней, а бегать к Лилии. Чем не вариант?

Колонки, графы, цифры. В целом все было понятно, и в общем итоге выходила неплохая прибыль. Однако Василиса хотела разобрать отчет на мелкие детали, осмыслить их, перевернуть. Видимо, это желание отчетливо пропечаталось на ее наморщенном лбу.

– Я могу еще раз все объяснить, – сказал Леонид Геннадьевич и улыбнулся тепло, но отстраненно.

Сейчас он воспринимал Василису как преподаватель – свою студентку, в то же время видел в ней и начальницу. Но женщиной она для него не была. Во всяком случае, Василиса не улавливала в нем того желанного, которое мужчина испытывает к интересной женщине. Именно поэтому ей было с ним в наивысшей степени комфортно. Но иногда это его равнодушие раздражало ее.

– Если не трудно, – сказала Василиса, в раздумье глядя на него.

Видный он мужчина, этот Селиванов. Энергичный, умный и совсем не старый. Тридцать шесть лет ему, смотрится молодо, спортивный, подтянутый. Черты лица правильные, пропитанные интеллектом, взгляд спокойный, мудрый, глубокий, оттого и пронзительный. Мягкое такое проникновение, бесконтактное, но до самого центра души.

– Не трудно, – сказал Селиванов.

Он не пытался заигрывать с ней, не кокетничал, просто подсел к Василисе, слегка задев локтем ее предплечье. Как будто спичкой по коробку провел, огонь не высек, но искра проскочила.

– Извините, – сухо, без всякого дрожания в голосе сказал Леонид Геннадьевич.

– За что? – Василиса нахмурилась.

Ей вовсе не обязательно было задавать этот уточняющий вопрос. Ничего страшного не произошло ни для нее, ни для него. Он никакой страсти к ней не почувствовал, и она не воспламенилась. Селиванов всего лишь отдал дань вежливости. Василиса должна была пропустить его извинение между ушей, но не сделала этого. Неужели случайное прикосновение так взволновало ее? Конечно же, нет, но ведь он может подумать, что да.

Селиванов повел себя как настоящий преподаватель. Он промолчал, указал этим на ее ошибку. Василиса снова почувствовала себя его ученицей и приготовилась слушать объяснения. Вернее сказать, она постаралась настроить себя на учебный лад, хотя сделать это было непросто. Мысли металась в ее голове как юные барышни в спальне Смольного института, в окна которой лезли гусары с шампанским.

– Начнем с основных показателей. – Селиванов провел пальцем по титульному листу.

Палец у него длинный, кожа чистая, гладкая. Ноготь аккуратно подстрижен, подточен, блестел так, как будто был покрыт бесцветным лаком. Но ничего подобного не было. Василиса терпеть не могла мужчин, которые делали себе маникюр.

– Чистая прибыль на второй квартал составила... – Селиванов говорил спокойно, голос его звучал мягко, с легкой убаюкивающей шелестинкой.

Но Василиса почему-то услышала в нем хлопок, с которым вылетает пробка из бутылки с шампанским, приятное и даже возбуждающее шипение винной пены. Ей почему-то захотелось выпить с Леонидом Геннадьевичем на брудершафт.

– Рентабельность продаж тоже повысилась по сравнению с прошлым кварталом, – продолжал Селиванов.

Василиса постаралась взять себя в руки, сосредоточилась, пыталась вникнуть в процесс обучения, ценой которого являлись не отметки в зачетке, а упущенная прибыль и прочие нехорошие показатели. Как она усвоит материал, научится управлять огромным предприятием, так у нее в будущем и пойдут дела.

С рентабельности продаж Селиванов перешел на коэффициент текущей ликвидности, говорил о доле собственных средств, оборачиваемости активов. Василиса слушала его внимательно, как прилежная студентка – своего преподавателя. Но в голову ей нет-нет да вползали отвлекающие мысли. Она почему-то подумала, что иногда студентки ради хорошей отметки задабривают своих преподавателей, вступают с ними в интимную связь.

Заниматься этим с Леонидом Геннадьевичем она вовсе не собиралась, выгнала непрощенный срам из головы, но контроль над собой утратила.

– Для повышения рентабельности необходимо стремиться к снижению себестоимости продукции. В прошлом квартале мы использовали тысячу двести четырнадцать килограммов чугуна на производство тонны стали, в этом, к сожалению, расход увеличился.

Селиванов говорил, но Василиса уже ничего не понимала.

Упущенную нить она смогла схватить несколько позже, когда речь зашла об увеличении эффективности оборудования, за счет его обновления в том числе. Для этого требовалось всего три вещи: деньги, деньги и еще раз деньги. Вопрос об инвестициях стоял достаточно остро. Ее двух миллионов из швейцарского банка было явно маловато для этого. Василиса собиралась вложить их в производство и даже обсуждала этот вопрос с Селивановым.

Но сейчас он ни о чем не просил, ни на что не намекал, просто излагал суть предмета. Василиса завороченно слушала его и думала о своем. Почему за все время Леонид Геннадьевич ни разу не прикоснулся к ней? Неужто она несколько не заинтересовала его как женщина? Может, с ним что-то не так? Но ведь он женат, у него двое детей. Наверное, этот мужчина просто любит свою жену и не хочет ей изменять. Или же он не желает усложнять отношения с Василисой, от которой зависит материальное благополучие его семьи.

Но прикосновение – это не измена. Она не убрала бы руку, если бы Селиванов коснулся локтем ее предплечья. В этом нет ничего страшного. Если вдруг такое приключится, то ее совесть будет чиста перед Матвеем.

Но Селиванов ее не касался. Зато появился Матвей. Он зашел в кабинет без стука, на правах начальника ее личной охраны. К сожалению, других прав на Василису этот парень не имел. Может, поэтому она глянула на него с обидой и даже неприязнью.

Матвей нахмурился, посмотрел на нее, потом на Селиванова, молча, как он это умел делать, надавил на него. Леонид Геннадьевич правильно оценил ситуацию, понял, что ему пора уходить.

Он быстро, но с достоинством поднялся из-за стола, оправил на себе пиджак и сказал:

– Василиса Константиновна, вы еще раз внимательно изучите документ. Если у вас появятся вопросы, то я всегда рядом.

Матвей проводил его взглядом, в каверзном раздумье провел пальцем под ухом, молча посмотрел на Василису.

По сравнению с Селивановым он казался грубым, неотесанным и даже некрасивым. Но Василиса обожала его и не считала, что любовь зла.

Матвей не давил на нее взглядом, как на Селиванова, но все же она дала слабину.

– И что здесь такого? – осведомилась Василиса.

Матвей удивленно повел бровью. Разве он о чем-то спрашивал? Да и претензий никаких не предъявлял. Во всяком случае, на словах.

– Да знаю я, о чем ты думаешь! – заявила девушка.

– В этих цифрах сам черт ногу сломит, – сказал Матвей, кивком показав на папку с отчетом.

Василиса капризно выпятила нижнюю губку, качнула головой. Не о цифрах он думал, да и в бухгалтерской отчетности разбирался даже лучше, чем она. Матвей имел опыт в бизнесе, может быть, собирался вернуться в него, но один, без нее.

– Ты собирался сделать мне предложение, – сказала она, возвращаясь к давнему разговору.

Лето прошло, осень вступила в свои права, а воз и ныне там.

– Это имеет какое-то отношение к вашим заседаниям? – спросил он, кивком показал на место, которое Селиванов занимал за ее столом, и взглядом очертил его путь до самой двери.

– Это имеет отношение к нам! – довольно резко проговорила Василиса.

– Вообще-то, я сделал тебе предложение, – сказал Матвей и пожал плечами.

– Считай, что... – вспомнила его слова Василиса.

Он ведь именно так и сказал тогда, весной: «Считай, что я сделал тебе предложение».

Она так и посчитала бы, если бы за столь небрежным предложением последовала свадьба. Но ведь не было ничего подобного.

– Так не считается! – Василиса мотнула головой.

– Да вся эта суматоха, то одно, то другое.

– Нет уже никакой суматохи!

Все формальности были соблюдены. Василиса по праву заняла место генерального директора. Всему этому действительно предшествовала большая организационная работа, отнявшая немало нервов и времени.

Но все уже позади. Она вступила в должность, даже взяла в руки бразды правления. Не было ничего страшного в том, что рядом с ней на облучке сейчас сидел Селиванов.

– Ты по ночам спишь спокойно? – спросил Матвей, внимательно глядя на нее.

– Да, спокойно, – ответила Василиса.

Уж не думает ли он, что Селиванов снится ей по ночам? Или, занимаясь любовью с Матвеем, она представляет себя в объятиях своего наставника?

– Тогда поехали! – сказал Матвей и подал ей руку, чтобы помочь подняться из-за стола.

– Куда?

– В загс. Подадим заявление.

– Только не подумай, что я тебя заставляю, – поднимаясь, сказала она.

Матвей замер, внимательно посмотрел на нее сквозь напряженный прищур, но решения своего не изменил.

– Все равно поехали.

– Только не подумай, что я этого не хочу!

Матвей вроде бы ее не слушал и спокойно шел к двери. Может, он и не такой ухоженный и лохотный, как Селиванов, но Василису тянуло к нему как магнитом. Она чуть ли не вприпрыжку поспешила за ним, потому как очень хотела замуж. Именно за него!

Дождь лил с утра, бил по нервам и крыше, которая прохудилась и текла. Капли падали в таз, стоявший на столе. Мимо проносились тяжелые грузовики, поднимая с дороги грязную водяную пыль. Все куда-то ехали, за чем-то спешили.

У одного только Пухняря жизнь остановилась. Хотя совсем недавно так все было здорово.

Верес-младший дал пацанам конкретную работу, хорошо заплатил, все прошло как по маслу. Потом Пухнярь с братвой рванул в Крым, чуть ли не все лето там отрывался, вернулся домой, а здесь никаких доходных дел. Проститутки разбежались, на больших дорогах ловить

было нечего. Осталось только кафе с дырявым навесом у шоссе. Но людей, желающих остановиться и перекусить здесь, почти не было.

– В Новокурск надо ехать, – сказал Тук, зажег сигарету, с трудом затянулся.

Табак разбух, тянулся плохо. Да и в головах у всех сырость, взгляды пасмурные. Но лучше грустить здесь, на обочине жизни, чем вкалывать грузчиком на какого-нибудь барыгу. На что-то большее Пухнар с его судимостью и не годился.

– Кто нас туда звал? – спросил Фанфан.

– В такие дела не зовут, – заявил Пухнар. – Нормальные люди дверь в них ногой открывают.

Верес не слабо в этой жизни устроился, целый комбинат к рукам прибрал, имел с этого не хило. Братва на мели, а ему и дела нет. Вот и кто он после этого?

Да, Верес их к себе не звал, а без него в Новокурске делать им было нечего, там своя братва. Люди серьезные, у них и волены есть, и боевой настрой. Пухнар пробивал эту тему, поэтому был в курсе.

– Вот и мы откроем, – заявил Бычок, расправляя накачанные плечи.

– Матвей мог бы нас в охрану к себе взять, – проговорил Фанфан.

– На зарплату? – спросил Тук и скривился.

– На процент от навара, – сказал Пухнар.

Почему бы Матвею и в самом деле не отстегивать им хотя бы один процент от прибыли? Они много не просят, зато проблем могут доставить немало.

– А почему нет? – Косач подкинул и с громким шлепком поймал боевую гранату.

– Ты это, потише, – буркнул Пухнар.

Арсенал он унаследовал конкретный. Верес-старший конкретно ворочал делами, стремился к большим высотам, а потому реально подковал братву. Он целое казино в центре Москвы держал, присматривался еще к одному, думал о третьем, но не сложилось. Со всех сторон наехали, всех в тиски зажали, кое-кому голову раздавили. Пухнару страшно стало, он отошел в сторонку и с тех пор только катился вниз. Но планы-то у него имелись. Арсенал распродать можно было. Спрос на стволы стабильный, но нет, он сберег оружие для больших дел. Может, пора начинать?..

– Так у него еще одна есть, – заявил Фанфан.

– Очень смешно! – сказал Пухнар.

– Сколько у нас этого добра? – показав на гранату, спросил Тук и сам же ответил: – На весь Новокурск хватит!

– Еще и останется, – добавил Пухнар.

А ведь навели они тогда шороху, троих положили, и ничего. Навар с этого конкретный поимели. Почему бы не продолжить начатое?

Пухнар хорошо помнил Мариночку. В Крыму он тоже ой как с бабами зажигал, но эта особа Мариночка до сих пор в голове оставалась. Сейчас она где-то там, в Новокурске. Так почему бы ее не навестить?

– К нам, по ходу, гости, – сказал Бычок, глядя на джип с высокими колесами, который съезжал с обочины на пяточок.

Машина грязная, номеров не видно, но по такой погоде это нормально. Затемненные стекла тоже не должны были вызвать подозрений, однако Пухнар напрягся.

Через пяточок, мимо кафе проходила дорога, по которой можно было спуститься к полю. Возможно, джип туда сейчас и направлялся, и все же рука Пухнаря потянулась к оружию. Оказалось, что совершенно не зря.

Джип остановился у самого съезда на проселок. Затемненное стекло еще не опустилось, но Пухнар уже заметил острый нос кумулятивной гранаты, нацеленной на него.

– Справа! – выкрикнул он, перевернул стол и рванул в сторону от опасного джипа.

Пацаны ломанулись за ним.

Сразу за навесом начинался резкий спуск, на его склоне Пухнарь и залег. В этот момент и рвануло. С оглушительным грохотом над головой пронеслась огненная волна, на спину ему посыпались обломки досок, одна с гвоздем упала на ногу. Рядом рухнула боковая стена кафе, вернее то, что от нее осталось. Место взрыва заволокло черным дымом, в нос ударил резкий запах.

Грохнуло знатно. Кафе взлетело на воздух. Видимо, стрелок из джипа решил, что с братвой покончено. Машина с места рванула в карьер, съехала на грунтовую дорогу и стремительно набирала ход.

Пухнарь ожил, вскочил, вынул из-за пояса «ТТ». Косач поднялся во весь рост, размахнулся и швырнул в машину гранату.

Руки у него длинные, сильные. Лимонка полетела быстро и далеко, догнала цель и взорвалась рядом с ней, не успев упасть на землю. Машина не перевернулась, но потеряла управление, врезалась в кусты, там и остановилась.

– Понеслись! – крикнул Пухнарь.

За ним побежали Космач, Тук и Бычок. Фанфан остался сидеть, обхватив руками контуженую голову.

Из джипа выскочили двое. Один летел быстро, а другого швыряло из стороны в сторону. Пухнарь легко нагнал этого контуженого типа, сбил с ног, оставил на растерзание пацанам, бегущим позади, и продолжил преследование.

Парень с широким бритым затылком бежал через вспаханное поле. Его ступни вязли в грязи, но и Пухнарю тоже было нелегко. К тому же разболелась нога, продырявленная гвоздем. Он остановился, прицелился.

Широкий затылок должен был притягивать пули, так думал Пухнарь, нажимая на спусковой крючок. Но попал в цель он только с шестого выстрела, да и то не в затылок, а в спину, под левую лопатку.

Парень упал и сучил ногами до тех пор, пока Пухнарь месил грязь, сокращая расстояние до жертвы. Он остановился, затих и тот, кончился.

Пухнарь глянул назад. От кафе осталась только стена, да и та горела. Там же где-то в дыму находилась машина. Возможно, она не пострадала, и на ней можно было ехать. Менты пока что сюда не пожаловали, но могли появиться в любой момент. Нужно было спешить.

Пухнарь схватил покойника за ноги и потащил за собой как лошадь плуг, врытый в землю. Вскоре к нему присоединились Бычок и Тук. Фанфан подогнал машину. Взрывом выбило стекла, фары, посекло капот, но колеса остались целыми, и движок не пострадал.

На ходу остался и трофейный джип. Водителя убило осколком лимонки, но машина всего лишь врезалась в кусты. Пацаны загрузили покойников на заднее сиденье джипа, пленника усадили в старый «Лендровер».

– Все живы? – спросил Пухнарь.

– Да, вроде все. – Фанфан осторожно ошупал свою голову.

– А ты живой? – Пухнарь вперил взгляд в пленника.

Пацан кривился от боли, старался не смотреть ему в глаза. Его тоже контузило, мало того, он был ранен в ногу. Но все это мелочи по сравнению с возможной пулей в голову. А Пухнарь держал пистолет твердой рукой.

– Не слышу!

– Да, живой, – буркнул парень.

Машины шли по раскисшей дороге медленно, но уверенно. Скоро поворот, потом через поле и в лес. Может, и не смогут взять их менты. Что-то не хотелось Пухнарю мотать срок за убийство.

– Номера курские. – Пухнарь кивком показал на машину, которая шла впереди.

- Ну да.
- Сам откуда?
- Оттуда.

Пухнарь зло скривился, развернулся к нему, просунул пистолет между его ног и выстрелил. Пуля вошла в сиденье в каких-то миллиметрах от мошонки.

- Еще раз спрашиваю!..
- Из Новокурска мы. – Браток в ужасе смотрел на него. – Чаек моя кликуха. Может, слышал?
- Я должен был слышать?
- Ну, может быть. – Чаек отвел в сторону глаза.
- Знаешь, кто Горлача завалил, да?
- Ну...

Пухнарь снова приставил пистолет к его ноге и услышал:

- Да, знаю.
- Откуда?
- Маринка напела.
- Где она?
- Дома.
- Хорошая телочка.

Пухнарую ноги светло. Так вдруг захотелось ему оказаться с Мариночкой в одной баньке, сначала напариться, а потом уже и все остальное. Для этого нужно было ехать в Новокурск. А почему нет? Стволы у них есть.

- Значит, мы Горлача грохнули. Кто там теперь за него?
- Жук стал.
- Где он?
- Ты его сейчас завалил.
- Кого еще завалить надо? Сколько вас в коdle?
- Есть пацаны.
- Кто, где? Ты ведь жить хочешь?
- Да, хочу. Я много чего знаю, – пролепетал Чаек.
- Всех сдашь.
- Не сдам. Расскажу!
- А что за Вереса можешь сказать?
- За Вересова?.. Он Шумакова с места сдвинул.
- А его самого кто сдвинет?
- Жук собирался. Сначала с тобой, сказал, надо разобраться, а потом уже с ним.
- А то мы за него вдруг подпишемся, да?
- Ну да.
- Слыхал, братан! – Пухнарь подмигнул Туку. – Мы для Вереса крыша.
- А то!
- Так ему и скажем. Но сначала с недобитками нужно решить. В Новокурск двинем.
- Когда?
- Да прямо сейчас. – Пухнарь любовно провел пальцами по кожуху своего «ТТ».

Время еще не позднее. К темноте они могут быть уже на месте, за ночь решат проблему с недобитками, зачистят поле для своей игры. Потом он возьмется за Мариночку. Может, этим утром ее и обиходит.

Глава 4

Мартеновские печи безнадежно устарели. Селиванов рассказывал, почему их нужно закрывать и взамен ставить дуговые печи, но Василиса слушала его невнимательно. В ней самой пылала печь, в груди огонь, в трубах дым. Всему виной был сам Селиванов.

Леонид Геннадьевич не заигрывал, даже не прикасался к ней, но именно эта его безучастность и вызывала томление в ее душе. Приятный, можно даже сказать, сексуальный голос усиливал волнение Василисы. Он сидел так близко!..

– Затраты на производство в мартенах и дуговых печах примерно сопоставимы, но эффективность последних выше. Там применяется намного более совершенный способ разливки стали. Василиса Константиновна, вы меня слушаете? – мягко спросил Селиванов.

– Да, конечно, – медленно проговорила она, затуманенно глядя на него. – Разливка стали производится намного более совершенным методом.

– Он выгоден и в плане загрязнения окружающей среды, – проговорил Селиванов, взял паузу, внимательно глянул на нее.

– Да, наверное, – сказала она, все так же находясь под впечатлением.

Чугун, сталь – все это хорошо, но ей хотелось чего-нибудь совсем уж романтического, глубокого, но не менее горячего. Она точно знала, что Селиванов мог бы ей это дать.

– Вам не интересно, – сказал он и нежно улыбнулся.

– Мне все интересно. – Василиса охмелела от волнующего предчувствия.

– Может, я смогу оживить наш разговор?

Селиванов не шевелился, но девушке вдруг стало казаться, что его лицо приближается к ней. Василису это почему-то не пугало.

Когда их губы вдруг соприкоснулись, она ощутила сильный толчок снизу. В ней тут же возникло чувство полета, которое забросило ее на самую вершину рельсовой дороги, висящей над землей. Его рука легла на ее талию, пальцы мягко прижались к ребрам, медленно поползли вверх. Василиса ощутила себя в шаткой вагонетке, которая вот-вот должна была сорваться.

Вместе с вагонеткой под откос унесется ее жизнь. Даже если Матвей ничего не узнает, то она не сможет спокойно жить с тяжким грехом на душе. Да и как можно лечь под чужого мужчину?

Василиса оттолкнула Селиванова, вырвалась из его объятий, глянула на него гневно, но с учетом смягчающих обстоятельств. В конце концов, она сама захмелела от его присутствия, а он всего лишь воспользовался этим. Вернее сказать, попытался это сделать.

– Извините! – В его голосе звучала привычная интеллигентная мягкость, но при этом он смотрел Василисе в глаза.

В его взгляде не было раскаяния. Он ничуть не сомневался в правильности своего решения, и эта внутренняя твердость снова подействовала на Василису как магнит. Она с немалым трудом смогла отшагнуть от Селиванова, от греха подальше. Он как раз собирался повторить пройденное. В этот раз Василиса могла и не устоять.

– Больше так не делайте, – сказала она и подняла руку, чтобы поправить сбившуюся прическу.

В этот момент кто-то попытался открыть дверь в кабинет, которая почему-то оказалась запертой. А ведь это мог быть Матвей.

Василиса встрепенулась, бросилась к двери, зачем-то застегивая верхнюю пуговицу на блузке. Она спешила, пуговица соскальзывала с пальцев, не лезла в петельку, зато с дверью заминки не вышло.

За порогом действительно стоял Матвей. Могучий, суровый и мрачный. Ирония не освещала его изнутри. В глазах стоял самый простой вопрос. Почему дверь на замке?

Вслух он ничего не сказал. Василиса посторонилась. Матвей неторопливо переступил порог.

– А мы тут переход с мартенов на электрические дуги обсуждаем, – пролепетала она, остро ощущая свою беспомощность.

Матвей остановился посреди кабинета, вперил взгляд в Селиванова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.